

УДК 614.253.5:614.885(571.33)»1917/1922»

Иркутская Мариинская община сестер милосердия в революционные годы и Гражданскую войну (1917–1920 гг.)

В. А. Шаламов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. На основе обширного архивного материала впервые освещается работа иркутской Мариинской общины сестер милосердия в революционные годы и в период Гражданской войны. Большое внимание уделяется оказанию помощи больным и раненым военнослужащим. Автор пытается проследить судьбы некоторых сестер милосердия. Также рассматриваются преобразования в общине, которые происходили в ходе частой смены власти в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста, иркутская Мариинская община сестер милосердия, Гражданская война в Сибири, история здравоохранения Восточной Сибири, сестра милосердия.

Мариинская община сестер милосердия Красного Креста в Иркутске была учреждена в 1868 г. при Восточно-Сибирском окружном управлении Российского общества Красного Креста (далее – РОКК). В 1903 г. она перешла на устав и стала автономной по отношению к окружному управлению. Сестры милосердия общины хорошо себя зарекомендовала в годы войны с Японией. Не обошла стороной Мариинскую общину и Первая мировая война.

В общине состояли сестры самого разного происхождения и мировоззрения. Здесь были и полуграмотные крестьянки из военных наборов, и вдовы, и представители интеллигенции. Несколько сестер были приняты из приютов. К примеру, старейшая сестра-настоятельница Клавдия Мануйлова, служившая в Мариинской общине с 1897 г., происходила из семьи титулярного советника и воспитывалась в Александрийском приюте. А. Панкина, А. Степанова, А. Эпова были воспитанницами Сиропитательного дома Е. Медведниковой. Сестры К. Майкова, А. Степанова, А. Эпова участвовали в войне с Японией и не покинули общину только потому, что уходить им было некуда [1, л. 1–15].

В годы Первой мировой войны при общине было подготовлено и отправлено в прифронтовые и тыловые госпитали свыше четырехсот сестер милосердия военного времени. Большинство лиц, упомянутых в данной публикации, участвовало в оказании помощи больным и раненым военнослужащим Российской армии. Подопечные Мариинской общины работали практически на всех фронтах. Например, Полина Серебренникова во главе отряда из 12 сестер милосердия трудилась в Иркутском госпитале Красного Креста в Варшаве. Е. Сахно и С. Никитченко были распределены в Минск, А. Зверева – в Киев,

О. Гурская – в Ригу и т. д. Некоторые сестры в силу различных обстоятельств вернулись в Иркутск, но на их место отправлялись новые кадры, ведь в запасе оставалось 50 новых подопечных, окончивших обучение и сдавших экзамены в августе 1917 г. [4, л. 7].

Первым тревожным звонком для общины стали события весны 1917 г., когда сестры военного времени образовали комитет и потребовали от попечительного совета общины перевыборов руководства и отмены полумонастырских уставов. Попечительницей общины, исполнявшей решения совета, была избрана под давлением снизу женщина-врач П. И. Макарова, но по состоянию здоровья она покинула общину. На ее место летом была избрана Анна Анатольевна Туманова. Ей удалось «выдавить» из общины недовольных и к осени нормализовать ситуацию внутри организации путем кооптации в состав совета нескольких выборных сестер [3, л. 127, 143, 152]. Вероятно, Туманова пользовалась авторитетом и в попечительном совете, и среди рядовых подопечных, потому и продержалась на своем месте практически до ликвидации Мариинской общины. В таком состоянии община встретила новую войну.

В Иркутске Гражданская война началась с выступления юнкеров и офицеров 8–21 декабря 1917 г. Общее количество убитых и раненых достигало 1 тыс. человек. Санитарные летучки с санитарами и сестрами милосердия вывозили раненых в лечебные заведения.

В делах общины имеется краткий отчет, прочитанный на общем собрании 2 марта 1919 г. В нем говорится, что сестры организовали три перевязочных пункта в разных частях города. Отсутствие имен в отчете, вероятно, связано с боязнью последствий [4, л. 35]. Однако, учитывая то, что во всех воспоминаниях сторонников большевиков, участвовавших в этих событиях, отмечается нежелание Красного Креста оказывать помощь красногвардейцам и солдатам, мы можем сделать вывод о том, что сестры милосердия из иркутских общин встали на сторону восставших юнкеров. Это противоречило принципам работы Красного Креста как нейтральной организации во время военных конфликтов. Улица Дегтевская, где жили сестры, была как раз в зоне активных боевых действий. Возможно, что часть раненых размещалась в самом здании общины, где до весны 1917 г. функционировал лазарет для воинов на 20 кроватей.

После подавления восстания и утверждения власти большевиков община оказалась под угрозой ликвидации. Чтобы не провоцировать новую власть, было принято грамотное решение воздержаться от созыва общих собраний, и община жила лишь хозяйственной жизнью, благо удалось заранее уладить внутренние разногласия [4, л. 35]. Информация об участии сестер милосердия Мариинской общины в лечебно-санитарных учреждениях красногвардейских и красноармейских отрядов сильно ограничена. Тем не менее в газете «Красноармеец» имеется упоминание о том, что 23 июля из санитарной части Байкальского фронта увольняются доктор И. Л. Меерович и три сестры милосердия И. Бритвина, С. Никитченко и М. Ускова [8, с. 363]. Есть также сведения, что некая Ускова в качестве сестры милосердия находилась в Особом Маньчжурском отряде есаула Г. М. Семенова. Можно предположить, что указанные сестры добровольно вступили на службу Семенову, но после его разгрома вынуж-

дены были обслуживать лечебные заведения красных. Как только появилась возможность уйти, они ею и воспользовались и вскоре вновь были в составе Мариинской общины. Впрочем, это только догадки. Жизнь могла расставить акценты иначе.

После свержения советской власти в Иркутске Мариинская община приветствовала Временное сибирское правительство. В июне и июле 1918 г. при общине был организован приют (гостиница) на 15–20 мест для сестер, которые возвращались на родину в Забайкалье и на Дальний Восток с фронтов Первой мировой войны, но застряли в Иркутске из-за разрушений на железной дороге и не утихающих военных действий на Байкале. Помещение, оборудованное всем необходимым, им выделила община, а на питание средства поступили от Восточно-Сибирского окружного управления. Среди прочих имеется документ от А. Ф. Старковой, отправленной в январе 1918 г. из Таганрогского этапного лазарета к месту жительства в Благовещенск. После личного обращения она была принята в Мариинскую общину на довольствие 23 июля 1918 г. [5, л. 128]. Ей, так же как и многим другим, не повезло: путь от Черного моря до Иркутска у нее занял аж целых полгода.

Естественно, что в ходе частой смены власти многие люди пользовались этим, чтобы сводить счеты друг с другом. Вероятно, по городу ходило немало слухов об отдельных сестрах милосердия. Ведь недаром одна из них, Т. П. Шаболина-Погирейчик, недавно вернувшаяся с фронта, из-за пересуд вынуждена была принести в общину удостоверение за подписью шести соседей, что она не принадлежит ни к какой партии, тем более что ее муж принял участие в свержении власти большевиков [2, л. 200, 206], – характерный способ защиты для той эпохи.

К августу 1918 г. нормализовалась обычная жизнь в Мариинской общине. Уже 22 июля в здании общины в честь годового праздника святого патрона общины – Марии Магдалины – был отслужен молебен [9, с. 3]. Сестры по договоренности обслуживали практически все лечебные учреждения как военного, так и гражданского профиля, а также выходили на дежурства к больным на частные квартиры. Жалованье составляло в военных госпиталях 250 руб. в месяц, а на частных дежурствах – 5 руб. в сутки (8 руб. с марта 1919 г.). В октябре и ноябре 1918 г. в здании Мариинской общины был оборудован приют для офицеров, эвакуированных из госпиталей для амбулаторного лечения. Военное ведомство выделило приюту временно комплекты спального белья, а для обслуживания офицеров направило военнопленного Йозефа Фишера. К новому, 1919 г. все офицеры выбыли. Таким образом, можно утверждать, что к осени 1918 г. Мариинская община восстановилась и стала функционировать в прежнем режиме.

Интерес вызывает такой аспект, как возвращение медработников с фронтов Первой мировой войны. Сроки выезда у всех были разные. Например, О. Пасхина из Минска была освобождена из-за сокращения штатов госпиталей еще в декабре 1917 г. Самый поздний срок демобилизации был у М. Пологрудовой, откомандированной в Иркутск из Москвы от Российского союза сестер милосердия только в августе 1918 г. [5, л. 61, 67]. Агния Зверева была откоман-

дирована из Киева в Иркутск 14 февраля 1918 г. Однако на обороте ее удостоверения стоит штамп о прибытии на станцию Гомель-Пассажирский только 22 марта 1918 г. [5, л. 164]. Видимо, развернувшиеся военные действия Гражданской войны, массовое движение демобилизованных солдат и разруха на железных дорогах задержали ее в Киеве на целый месяц. Думается, что подобные препоны встречали практически все возвращавшиеся в одиночку в Сибирь.

Поскольку деятельность Мариинской общины постоянно расширялась, в ее состав стали брать всех, кто только имел хотя бы какое-то медицинское образование. Так, из Харбинской общины сестер милосердия в октябре 1918 г. была принята сестра А. Серегина, из саратовской Андреевской общины в декабре 1918 г. – А. Петрова. Были случаи, когда в общину просились сестры милосердия без документов, поскольку те остались в общинах, расположенных на подконтрольных большевикам территориях. Таких сестер принимали после проверки знаний. К примеру, С. Мронговиус из Виленской общины была принята в октябре 1919 г., а Е. Мигдалова из киевской Мариинской общины – в августе 1919 г. [5, л. 24–25]. Иногда в Мариинскую общину принимались и женщины, вообще не имевшие никакого специального образования, но готовые работать за еду. Как правило, это были беженки, солдатки, вдовы и т. д. После некоторых испытаний на знание основ гигиены их брали в общину, поскольку в госпиталях работа была разной (в том числе приготовление пищи и наведение чистоты), не требующая специальных медицинских знаний. В качестве ученицы была принята беженка из Боготола В. Маркович в октябре 1918 г., а в октябре 1919 г. Е. Лебедева и А. Сытинская [6, л. 205]. Таким образом, шло формирование штата сестер милосердия. Однако к середине 1919 г. их стало не хватать, и при общине были открыты курсы подготовки сестер военного времени. Информации о самих курсах нет. Но среди документов обнаружено довольно много прошений, поднятых в октябре. Видимо, в это время курсы и были открыты. Вместе с тем в некоторых документах есть упоминания об окончивших курсы в ноябре 1919 г. и в январе 1920 г. Возможны два варианта: либо община дважды организовывала курсы, либо разночтения связаны с упоминанием о поступлении на курсы и окончании их.

Сколько же сестер милосердия было в Мариинской общине в период Гражданской войны? У нас имеются лишь частичные данные. Сохранился список сестер, датированный 3 января 1919 г. В нем 32 фамилии [6, л. 6]. На 2 марта 1919 г. значилось уже 40 сестер, из которых 26 трудились в военных госпиталях, 3 – в тюремных лазаретах, 2 – в чайно-питательном пункте, 3 – в лазарете РОКК, 5 – при общине для частных дежурств и 1 сестра-настоятельница – она же хозяйка общины. В мае 1919 г. Мариинская община по требованию властей выделила и направила в Омск для работы в госпиталях 18 сестер милосердия, четыре из которых ранее не входили в состав общины. Среди них не было ни одной из тех, кто значился в предыдущих списках, что свидетельствует об их более позднем вступлении в общину. Это были девушки 20–29 лет, прошедшие обучение в 1912–1917 гг. 14 сестер из этого состава оказывали помощь в госпиталях и лазаретах на фронте от одного года до трех лет. В делах общины больше эти лица не упоминаются [6, л. 69, 81]. Других списков не обнару-

жено. По отдельным упоминаниям можно сделать вывод, что сестер было не менее 150 с учетом новых наборов.

В обычное время община жила за счет процентов с небольших капиталов и благотворительности. Из-за того, что многие организации обращались к благотворительным фондам, поддержка уже не давала желаемых результатов. Среди документов имеется выписка из финансового отчета за 1918 г., где указано, что практически каждый месяц сводился с отрицательными результатами, и к концу года образовалась задолженность на 1234 руб. 58 коп. Попечительница общины А. А. Туманова в январе 1919 г., не видя выхода из ситуации, обратилась к командующему Среднесибирским военным округом об отпуске из военного интендантства всего необходимого за деньги по существующей расценке и по нормам, полагавшимся для солдат. С этого времени община получала продукты питания, одежду, мыло и все, что необходимо, по приемлемым ценам [6, л. 5]. Деньги община, как и раньше, получала из заработка сестер и благотворительных вечеров. Тем не менее к концу 1919 г. организация ежемесячно тратила 16 тыс. руб. и не могла содержать персонал. В этой ситуации А. А. Туманова 28 декабря 1919 г. обратилась в главное управление РОКК, требуя выделять ежемесячную ссуду в 15 тыс. руб. [6, л. 70, 220]. К сожалению, ответная реакция Красного Креста в документах не отразилась, и остается только гадать, как сложились дела общины.

В апреле 1919 г. в связи с переполненностью больными и ранеными западносибирских лечебных учреждений Омск потребовал от иркутских властей расширения существующих и открытия новых госпиталей и лазаретов. От Мариинской общины главное управление РОКК из Омска потребовало открыть лазарет на 20 офицерских кроватей. В мае 1919 г. здание общины было отремонтировано силами 12 военнопленных. Попечительнице удалось настоять перед военными властями на том, чтобы общине оставили белье, переданное осенью под офицерский приют. Всего на ремонт община потратила 63 127 руб. 18 коп. собственных средств, 45 000 руб. из которых дал в долг один из членов попечительного совета. Попечительница А. А. Туманова добивалась от главного управления РОКК, чтобы оно взяло на себя расходы по ремонту, но, по всей видимости, безуспешно. Последнее упоминание в документах о лазарете относится к февралю 1920 г. Тем не менее можно предполагать, что лазарет не был закрыт с приходом в Иркутск 5-й армии. Вероятнее всего, он был расформирован после того, как отступила эпидемия тифа, к концу 1920 г.

Все лето и осень 1919 г. в Иркутск эвакуировались все новые потоки больных и раненых. На станцию Иннокентьевскую в сентябре 1919 г. прибывает главное управление РОКК и разворачивает там несколько лечебных учреждений. Там же остановился Челябинский госпиталь. В октябре 1919 г. в гостиницах Вознесенского монастыря в Жилкино разместился Уфимский местный лазарет, а в Тулуне – Пермский сводный запасной госпиталь. Между станциями Иркутск и Иннокентьевская была организована санитарная летучка для выявления больных сыпным тифом, а также два изоляционно-эпидемиологических отряда. Все эти учреждения обслуживали сестры милосердия Мариинской общины по запросам главного управления Красного Креста. При этом с конца

лета 1919 г. неизменно при запросе сестер шла приписка, чтобы направляли только переболевших тифом. Так или иначе тиф перенесли практически все подопечные общины.

Сестры Мариинской общины работали также и за пределами Иркутска. Например, в декабре 1919 г. сестра М. Молева командирована в Даурию для работы в местном лазарете. В январе 1919 г. в Читу отправляется В. Белькович, а в Канск – Э. Киневаль для обслуживания местных госпиталей. В операционную тюремного лазарета при Александровском центре была направлена опытная сестра В. Шигаева. В Ачинском местном лазарете служили сестры Ф. Синицына и П. Шахматова, а в Нижнеудинском 3-м запасном госпитале – Роженцова, Мораити и Лядова. Многие сестры обслуживали военно-санитарные поезда. Так, в поезде № 4 работала М. Курочкина, в поезде № 3 – Н. Колесникова, М. Ускова, Е. Година и Р. Крутицкая, в поезде № 2211 – И. Яценко и Н. Стукова [6, л. 11–12, 24, 106–107, 131, 145]. Можно с уверенностью утверждать, что иркутские сестры милосердия работали практически во всех лечебных учреждениях Предбайкалья. К сожалению, в архивных документах не нашлось места для качественной характеристики работы сестер. Нет упоминаний о нравственных качествах сестер, их трудовых отличиях, награждениях, порицаниях, то есть всего того, по чему судят о благополучной кадровой политике в учреждении.

Последние дни Мариинской общины теряются из-за недостатка документальной информации. Если судить по работе других общин, наверняка был образован комитет по делам бывшего РОКК, который и направлял деятельность общины в 1920 г. Как только необходимость в общине отпала, сестры были распределены по лечебным учреждениям как медицинские сестры, здание же было национализировано и перешло к губздраву. 15 декабря 1923 г. здание общины было передано отделу местного хозяйства [7, л. 172 об.]. Ныне оно не сохранилось. Таковы последние дни иркутской Мариинской общины Красного Креста.

В заключение отметим, что, несмотря на архаичную структуру, Мариинская община сестер милосердия довольно быстро оправилась после господства советской власти, чему способствовала грамотная тактика по отказу от активных действий и своевременное решение конфликтных ситуаций внутри общины. Быстрое восстановление стоит приписать мобилизационной сущности данного учреждения, основанного главным образом для обслуживания нужд военных. Община великолепно справилась с задачами подготовки и мобилизации младшего медицинского персонала для всех лечебных учреждений Предбайкалья, хотя условия жизни и работы сестер милосердия были довольно жесткими. Советская власть пользовалась общиной в экстренных условиях. За ненадобностью общину ликвидировали, исходя из принципа единства медицинской сети. С этого времени термин «сестра милосердия» все чаще заменяется на термин «медицинская сестра», в который вкладывалось уже другое содержание.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–15.
2. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 200, 206.

3. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 47. Л. 127, 143, 152.
4. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 55. Л. 7, 35.
5. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 56. Л. 24–25, 61, 67, 128, 164.
6. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–6, 11–12, 24, 69–70, 81, 106–107, 131, 145, 205, 220.
7. ГАИО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 656. Л. 172 об.
8. Подвиг Центросибири : сб. док-тов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. – 480 с.
9. Свобод. край. – 1918. – 4 (22) авг. – С. 3.

Irkutsk Saint Mary Community of Sisters of Mercy during the Revolution and Civil War in Russia (1917–1920)

V. A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is based on the rich body of archival material and highlights the work of the Saint Mary Community of sisters of mercy during the revolutionary years and during the Civil war in Russia for the first time. Great attention is paid to lending aid to sick and wounded soldiers. The fate of some nurses is described. Changes in the community that took place during frequent power shifts in the course of the Civil war are considered.

Keywords. The Russian Red Cross, Irkutsk Saint Mary Community of sisters of mercy, Civil war in Siberia, history of healthcare in Eastern Siberia, sister of mercy.

Шаламов Владимир Александрович
*кандидат исторических наук, доцент,
 кафедра истории России, исторический
 факультет
 Иркутский государственный университет
 664033, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
 тел.: 8(3952)240522
 e-mail: Wladimir13x@ya.ru*

Shalamov Vladimir Aleksandrovich
*Candidate of Sciences (History), Associate
 Professor, Department of History of Russia,
 Faculty of History
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
 tel.: 8(3952)240522
 e-mail: Wladimir13x@ya.ru*